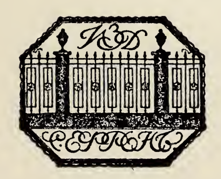

НИКОЛАЙ ОЦУПЪ

ГРАДЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО С. ЕФРОНЪ
БЕРЛИНЪ

Типографія Максъ Маттиссонъ
Берлинъ, Риттерштрассе 71

Посвящаю моей женѣ

Гремѣлъ сегодня ночью громъ
И прыгалъ градъ въ потокѣ
И молнія большимъ прыжкомъ
Качнула стволъ высокій.

И въ ту же ночь меня томилъ
Тяжелый бредъ: корнями
Опутанъ я, и сѣти жилъ
Обожжены огнями.

Я чернымъ деревомъ стою
Обугленный и ветхій,
И продолжаютъ жизнь мою
Раскинутыя вѣтки.

А въ вышинѣ гдѣ птичій свистъ,
Гдѣ не плясало пламя —
Еще дрожитъ зеленый листъ —
Трепещущая память.

НА ДНѢ

О если здѣсь такая непогода,
Что жъ на морѣ, гдѣ вѣтеръ самъ не свой?
Сирена тонущаго парохода
И стонъ дождя и волнъ гортанный вой!

И скользкое бревно обнявъ за шею,
Глотая волнъ кипящее вино,
Я не могу дышать и цѣпенѣю,
И смытый наконецъ иду на дно.

Я двигаюсь и я дышу не скоро,
Какъ ершъ на сушѣ раскрываю ротъ
Гигантскій крабъ Казанскаго Собора
Меня въ зеленой тинѣ стережетъ.

Шевелятся мохнатыя колонны,
Проваливаюсь въ лужу до колѣнъ,
Отъ бури жмурясь длинные тритоны
Плюются пѣной съ почернѣвшихъ стѣнъ.

Но кто-то любитъ и кому-то жалко,
И кто-то помолился обо мнѣ,
Проходитъ въ дождевомъ плащѣ русалка,
Стихаетъ буря — радуга на днѣ.

1921 г.

О кто мелькнувъ надъ лунной кручей,
Встревоживъ облачную стаю,
Летитъ къ землѣ звѣздой падучей
И крылья воздухъ освѣщаютъ.

Нырнули въ бездну голубую
Домовъ чудовищныя тѣни
Съ трудомъ дыша, на мостовую
Упалъ и гаснетъ лунный генiй.

Привыкшiй въ небѣ къ бездорожью
Онъ на торцы ступить не можетъ,
Его знобитъ предсмертной дрожью,
Къ нему торопится прохожiй.

Вотъ вспыхнулъ, вотъ померкъ отъ муки
Безглазый, сморщенный калѣка,
И жадно голубыя руки
Цѣпляются за человѣка.

Прохожій полчаса возился,
Какъ будто сдѣланный изъ ваты
Вставалъ калѣка и валился,
„А ну тебя, сморчокъ крылатый!“

На Спасской флигелекъ кирпичный
И дворникъ у воротъ зѣваетъ,
Жена напрасно супъ черничный
На примусѣ разогрѣваетъ.

Прохожій, уходи скорѣе...
„А жалко, что городовые
Повымерли“, и вдругъ на шеѣ
Онъ слышитъ пальцы голубые.

Растаяли дома сначала,
Какъ дымъ разлуки на перронѣ,
Растаялъ мостъ, вода канала,
Нагіе отроки и кони.

Зачѣмъ лунѣ душа живая?
Жену давно долитъ дремота,
И дворникъ, сотый разъ зѣвая,
Встаетъ чтобъ затворить ворота.

1921 г.

Теплое сердце брата укусили свинцовыя осы,
Волжскія нивы побиты желтымъ
палящимъ дождемъ,
Въ нищей корзинѣ жизни — яблоки и папиросы,
Трижды чудесна осень въ бѣдномъ
величьи своемъ.

Медленный листопадъ на самомъ
краю небосклона,
Желтизна проступила на тѣлѣ стѣнныхъ газетъ,
Кровью листьевъ сочится рубашка
осенняго клена,
Въ матовомъ небѣ зданій желто-багряный цвѣтъ.

Желто-багряный цвѣтъ всемірнаго листопада,
Запахъ милаго тлѣнья отъ руки восковой,
Съ низкимъ поклономъ листья въ воздухѣ
Лѣтняго Сада,
Медленно прохожу по золотой мостовой.

Тверже по мертвымъ листьямъ, по савану
перваго снѣга,
Солоноватый привкусъ позднихъ осеннихъ дней,
Съ гикомъ по звонкимъ камнямъ летитъ
шальная телѣга,
Трижды прекрасна жизнь въ жестокой
правдѣ своей.

30 августа 1921

ЛЮБОВЬ

Снова воздухъ пьянаго марта,
Снова ночь моего обрученія,
Селениты на крышѣ играютъ въ карты
И я попросилъ разрѣшенія.

У теплой трубы занимаю мѣсто,
Голоса звенятъ колокольцами:
„Пять алмазовъ . . . на картѣ ваша невѣста“·
Пальцы крупье съ бѣлыми кольцами.

Дворники спятъ. Ворота закрыты.
Свѣтъ погасъ за окошками.
„Дама бубенъ“ — кричатъ Селениты
Голубые, съ длинными ножками.

Небо лунную руку простерло,
Страшный крикъ за оградою,
Я хватаю крупье за горло
И прямо въ прошлое падаю.

Навстрѣчу зимы летятъ снѣжками,
Царскосельскія зимы, синія.
Первая любовь съ коньками
И шубка въ вечернемъ инеѣ.

Въ черномъ небѣ вѣтки и гнѣзда,
Прыгнетъ бѣлка снѣжокъ осыпавъ...
Ближе, ближе... Тускнѣютъ звѣзды
Отъ каблуковъ и обозныхъ скриповъ.

Ближе... Винтовка и пѣсни въ вагонѣ,
Въ колоколъ трижды ударили,
Плачетъ женщина на перронѣ,
Провожая глазами карими.

О, берегъ серпуховской квартиры,
Послѣ моря такого бурнаго.
Очнулся и слышу звоны лиры
Съ потолка лазурнаго.

Мнѣ ли томиться лунной любовью?
Сердце. Солнце мое безпощадное!
Елена, дѣвственною кровью
Утоли мое тѣло жадное.

1921 г.

Я этимъ грезилъ до сихъ поръ,
Ты лучшими владѣла снами.
Черти послѣдній приговоръ
Тупыми легкими носками.

О, лебединый сгибъ руки,
И какъ заря колѣнъ дыханье,
Сереброкрылые значки,
Небесное чистописанье.

Одна душа за всѣхъ плывешь
И каждая душа на сценѣ
Не помнитъ ярусовъ и ложъ,
Качаясь чайкой въ бѣлой пѣнѣ.

Уже надъ нѣжною толпой
Въ сто тысячъ вольтъ пылаютъ свѣчи,
И слава солнечной фатой
Покрыла матовыя плечи.

Торговецъ тканями тонкинскими,
Штанами хрустнувъ чесунчовыми,
На камень сѣлъ, шоссе сырѣетъ
И легкій вечеръ пахнетъ маками.

Какъ на фарфоровомъ кофейникѣ
Простыя травы вѣютъ Азіей, —
Репейникъ за спиной тонкинца
Канаву дѣлаетъ Китаемъ.

Двѣ дачницы съ болонкой розовой
Проходятъ по шоссе: „Дитя мое,
Я ложа брачнаго съ китайцемъ
Не раздѣляла бы, хотя...“

ТВОЕ ИМЯ

Луна населена словами:
Въ кустахъ шарики-ежи,
На льдахъ томные моржи,
На вѣтвяхъ соловьи и кукушки
А имя твое — царица словъ,
Живущихъ въ лунныхъ моряхъ.
Царицѣ морской
Прислуживаютъ дельфины:
Слава, любовь и левкой.

Дао изначальный свѣтъ
Желтую бросаетъ тѣнь,
Если ты большой поэтъ —
На тебѣ почіетъ вень.

Вѣтки легкія оливъ
Или сѣверной сосны
Для тебя гіероглифъ
Желтой райской вышины.

Ты не пробуй разбирать,
Хитрыхъ знаковъ не пытай,
Только сердцемъ надо знать,
Что и въ небѣ есть Китай!

Въ голубомъ прозрачномъ крематоріи
Легкія истлѣли облака,
Надъ Невою солнце Евпаторіи,
И вода свѣтла и глубока.

Женщина прекрасная и блѣдная
У дубовой двери замерла,
Сквозь перчатку жалитъ ручка мѣдная,
Бьетъ въ глаза нещадный блескъ стекла.

„Милое и нѣжное созданіе,
Я сейчасъ у ногъ твоихъ умру,
Развѣ можно бѣгать на свиданіе
Въ эту нестерпимую жару?

Будешь ты измѣной и утратою
Мучиться за этими дверьми,
Лучше обратись скорѣе въ статую
И колонну эту обними!“

Дверь тяжелая сопротивляется,
Деревянный темнокрасный левъ
Отъ широкой рамы отдѣляется
И увѣщеваетъ нараспѣвъ:

Онъ и самъ мѣняетъ очертанія
Городъ съ длиннымъ шпилемъ золотымъ.
Дождь надъ Темзой, сѣверъ — Христіанія,
А сегодня виноградный Крымъ!

Скоро осень и у насъ, и за моремъ,
Будетъ вѣтеръ надъ Невой звенѣть,
Если тѣло можно сдѣлать мраморомъ,
Ты должна скорѣй оцѣпенѣть!

Все равно за спущенными шторами
Онъ совсѣмъ не ждетъ твоихъ шаговъ,
Встрѣтишься съ уклончивыми взорами
И вдохнешь струю чужихъ духовъ.

Женщина къ колоннѣ приближается,
Подъ горячимъ золотымъ дождемъ,
Тѣло застывая, обнажается
И прожилки мрамора на немъ.

Будетъ онъ винить жару проклятую
И напрасно ждать ее одной,
Стережетъ задумчивую статую
У его подъѣзда левъ рѣзной.

1921 г.

Цвѣтутъ видѣнія — такъ хочешь ты, душа,
Когда же ты молчишь, сіяніемъ дыша,
Сквозятъ видѣнія нѣжнѣе дымки слабой,

И часто въ дождь и вѣтръ средь
вянущихъ болотъ
Съ глазами жадными, раскрывъ широкій ротъ,
Моя душа сидитъ коричневою жабой.

Всю комнату въ два окна,
Съ кроватью для сна и любви,
Какъ щепку несетъ волна,
Какъ хочешь волну зови.

И, если съ небомъ въ глазахъ
Я тѣло твое сожму,
То знай: это только страхъ,
Чтобъ тонуть не одному

СОНЪ

Я проснулся, крича отъ страха,
И подушку и одѣяло
Долго трогалъ руками, чтобы
Снова хоботъ его съ размаха
Не швырнулъ меня прямо въ небо
Или въ сумракъ черной утробы.
Никого съ такими клыками
И съ такими злыми глазами
Я не видѣлъ, о я не видѣлъ,
И такого темнаго лѣса
И такого чернаго страха
Я не вѣдалъ, о, я не вѣдалъ.
Я зажегъ свѣчу и поставилъ
Трепетно къ изголовью . . .
Чтобъ утишить біенье сердца
Взялъ трактатъ о римскомъ правѣ
И раскрылъ его на „условьи
Дѣйствительной купли-продажи".
Я пошелъ и жены, спокойно
Спавшей, волосы поцѣлуемъ
Шевельнулъ и вернулся тихо,
Но едва задремалъ я, бурно

Зазмѣился песокъ, волнуемъ
Винтообразнымъ вѣтромъ:
Длинношеюю голову скрылъ я,
И мою двугорбую спину
Охватило вѣтромъ свистящимъ
И отъ свиста сталъ я змѣиться
И попозъ удавомъ въ долину
И проснулся вновь настоящимъ,
Но подумалъ, строгій и гордый:
То далекой памяти море
Мнѣ послало терпкія волны,
Разрывая тѣла и морды,
Море памяти мнѣ отворитъ
Настоящее счастье жизни.

Анатолію Колмакову

ВОЙНА

Арабъ въ кровавой чалмѣ на длинномъ
паршивомъ верблюдѣ
Смѣшалъ караваны народовъ и скрылся
среди песковъ
Подъ шопотъ охрипшихъ окоповъ и кашель
усталыхъ орудій
И легкій печальный шорохъ прильнувшихъ
къ полямъ облаковъ.

Воробьиное пугало тщетно осѣняетъ
горохъ рукавами:
Солдаты топчутъ пшеницу, на гряды
ложатся ничкомъ,
Сколько стремительныхъ пуль остановлено
ихъ тѣлами,
Полміра пропитано дымомъ, словно
густымъ табакомъ

Всѣ одного со мной сомнительнаго поколѣнья,
Кто раненъ въ сердце навылетъ мечтой
о кровавой чалмѣ,

Отъ саранчи ночей въ себѣ ищите спасенья
Воспоминанья дѣтства зажигайте
въ беззвѣздной тьмѣ!

Вотъ царскосельскій дубъ, орелъ
надъ прудомъ и лодки,
Овидій въ изданьи Манштейна,
растрепанный сборникъ задачъ,
Въ нижнемъ окнѣ сапожникъ стучитъ
молоткомъ по колодкѣ,
Въ субботу послѣдній экзаменъ, завтра
футбольный матчъ.

А лѣтомъ балтійскія дюны, янтари и песокъ
и снова
Съ молчаливыми рыбаками въ синій просторъ
до утра!..
Кто еще изъ читателей „Задушевнаго Слова"
Любитъ играть въ солдатики?..
Очень плохая игра...

1921 г.

Мнѣ дѣтство приснилось
лѣнивымъ счастливцемъ,
Сторожемъ сада Екатеринина,
Ворота „Любезнымъ моимъ сослуживцамъ“,
Поломанъ паромъ и скамейка починена.

Пройдетъ неспѣша по скрипучему снѣгу
Въ тяжелой овчинѣ съ заплатами козьими,
А время медлительно тащитъ телѣгу,
И блещетъ луна золотыми полозьями.

Я самъ бы на розвальняхъ въ небо поѣхалъ,
А ну-ка заложимъ каураго мерина . . .
Ворота открылъ, изъ пахучаго мѣха
Посыпались звѣзды . . . Дорога потеряна.

Въ пустой океанъ на оторванной льдинѣ
Блаженно, смертельно и медленно ѣдется,
Ни крыши, ни дыма въ зіяющей сини . . .
Эй шуба, лѣвѣе . . . Большая Медвѣдица . . .

Куда мои сани дѣвались и льдина,
Разрѣзала воздухъ алмазная палица,
Хватаю себя — рукавицы, овчина
И ледъ подъ ногами... А если провалится?

1921 г.

Я приснился себѣ медвѣдемъ
И теперь мнѣ трудно ходить —
Раздавилъ за столомъ тарелку,
А въ отвѣтъ на нѣжный укоръ
Проворчалъ: „Скорлупку орѣха
Я не такъ еще раздавлю!"
Даже медомъ грежу я, даже
Лапу сунулъ въ ротъ и сосу.
Что же дѣлать въ этой берлогѣ,
Гдѣ фарфоровые сервизы
Не даютъ вздохнуть отъ души?
Уведи меня, Варя, въ таборъ, —
Съ безымяннаго пальца скинувъ,
Въ носъ продѣнь кольцо золотое
И вели мнѣ плясать подъ пѣсни,
Подъ которыя я мурлычу,
И сейчасъ у тебя въ ногахъ!
О теперь я совсѣмъ очнулся:
Больше я не медвѣдь, но кто я?
Отрокъ радостно подраставшій
На парадахъ въ Царскомъ Селѣ?
Или юноша — парижанинъ,

Проигравшій деньги на скачкахъ,
Все, что братъ прислалъ изъ Россіи,
Гдѣ его гвоздильный заводъ?
Или тотъ, кто слушалъ Бергсона
Въ многолюдномъ колледжѣ, или
Тотъ, кто можетъ писать стихи?
Маленькая, ты не повѣришь,
Что медвѣдь я и парижанинъ,
Царскоселъ, бергсонистъ, писатель
И къ тому же я сумасшедшій,
Потому что мнѣ показалось,
Что и Нельдихенъ — это я!

АЭРОПЛАНЪ

Въ древности Виландъ въ птичьихъ перьяхъ,
Дедалъ на тающихъ крылахъ —
Въ средневѣковыхъ же повѣрьяхъ
Вѣдьмы летали на козлахъ...

Тщетно гадалъ сѣдой алхимикъ,
Лучше летать училъ колдунъ:
Въ кожу втираньями сухими
Подъ заклинанья словъ и струнъ.

Если когда и могъ присниться
Подъ небеса задутый шаръ,
Но не такая — ужасъ — птица,
Въ тучѣ не больше чѣмъ комаръ.

Въ страхѣ друзьямъ дикарь разскажетъ:
Клювомъ неистово вертя,
Не трепеща крылами даже,
Птицы — чудовища летятъ.

Сверху хозяинъ — европеецъ,
Завоеватель, богъ, пилотъ,
Вѣтеръ подмявъ, подъ небомъ рѣетъ,
Самъ направляя птичій летъ.

Вотъ онъ согнулся, въ пропасть глядя,
Смерть или руль въ рукѣ держа...
Какъ хорошо гудитъ въ прохладѣ,
Блещущій солнцемъ кругъ ножа!

1918 г.

СЕРГѢЮ ОЦУПЪ

АВТОМОБИЛЬ

Яростный ревъ сомкнутыхъ устъ,
Гнѣвная дрожь, рванулъ, понесъ,
И на пескѣ примятомъ хрустъ
Мягкихъ и розовыхъ колесъ.

Сердце исправное стучитъ,
Клапановъ мѣренъ перебой,
Сверху для бѣга всѣ ключи:
Сердце стучитъ само собой!

Только столбовъ мгновенный рядъ,
Да ворчуновъ-прохожихъ злитъ
Голубоватый ѣдкій ядъ,
Долго не тающій въ пыли.

Сколько тяжелыхъ какъ слоны,
Легкихъ и быстрыхъ какъ челнокъ,
Какъ они могутъ звать и ныть,
Какъ у нихъ много быстрыхъ ногъ.

Фары горятъ, стучитъ скелетъ,
Газы упругіе пыхтятъ,
Только тягучій ѣдкій слѣдъ,
Только столбовъ мгновенный рядъ.

1919 г.

Синій супъ въ звѣздномъ котлѣ,
Облаковъ лимонныя рощи,
А на маленькой круглой землѣ
Ѣдетъ жучокъ — извозчикъ...
„Погоняй, извозчикъ, скорѣй...
Направо... у тѣхъ дверей!.."

„Дай-ка сдачи! Ну же, проснись!.."
Фонари у параднаго стойла,
Но клячонка глянула ввысь
И хлебнула небеснаго пойла...
Сдачи? Неуловима, нѣтъ,
Еле зримая пыль монетъ!

Только бы устоять на вѣтру,
Сдунетъ, сдунетъ съ земли покатой
Въ синюю, какъ море, дыру
Съ западной каймой розоватой...
Тонетъ, тонетъ въ котлѣ золотомъ
Мой извозчикъ съ тонкимъ кнутомъ!

Вотъ еще колея и грязь —
Всѣ слѣды осенняго плача —
Но мелькнули спицы, — взнесясь,
Какъ комарикъ пискнула кляча...
Я одинъ на гладкой землѣ —
Крошка хлѣбная на столѣ.

Больше не вздремнетъ у воротъ
Мой неуслѣдимый извозчикъ,
Звѣздочету ли брань пошлетъ
Въ телескопъ голодный и тощій?
Чуть примѣтна колесъ стезя...
Вѣрно и въ телескопъ нельзя?..

Улетай, улетай, улетай!
Устою ли, къ дверямъ прижатый?
Какъ песчинка самъ невзначай
Пролечу по землѣ покатой,
Словно сахаръ въ горячей мглѣ
Распущусь въ золотомъ котлѣ.

Въ легко подбрасывающемъ автомобилѣ
Губы его изрѣдка закрывали мои глаза,
„Для любви, для любви этотъ шелестъ
несущихъ крылій“
Быстро летящимъ шопотомъ онъ сказалъ.

Пробѣгали надъ нами смѣясь деревья,
Но строгая не улыбалась звѣзда,
И вдругъ я увидѣла дымъ кочевья,
Гдѣ это тѣло расцвѣтало, не знаю когда.

Какъ по звѣздной, золотистой ниткѣ
Память искрой взбѣжала. Вспыхнулъ
дымный лугъ.
И луна заглянула въ качаемый пологъ кибитки,
Гдѣ глаза мои смуглый и бѣлозубый
цѣлуетъ другъ.

КОНЦЕРТЪ

Дрогнули два-три листочка липокъ,
Мы глаза смежили отъ жары,
И вступили голосами скрипокъ
Въ первую сонату комары.

Самаго взыскательнаго слуха
Эти скрипачи не оскорбятъ,
Внятно на віолончели муха
Заиграла около тебя.

Море и песокъ сухой и мелкій,
И на рампѣ милліонъ свѣчей,
Замираютъ мѣдныя тарелки
Чуть позванивающихъ лучей.

Дирижеръ скрывается за краемъ
Облаковъ, уже пора назадъ...
Гдѣ-то брызнуло собачьимъ лаемъ
И веселымъ хохотомъ солдатъ.

ЭЛЕГІЯ

О, жизнь моя. Подъ говорливымъ кленомъ
И солнцемъ проливнымъ
и легкимъ небосклономъ
Быть можетъ, ты сейчасъ
послѣдній разъ вздыхаешь,
Быть можетъ, ты сейчасъ
какъ облако растаешь . . .
И стаи комаровъ надъ бѣлою сиренью
Ты даже не вспугнешь своей недвижной тѣнью,
И въ небѣ ласточка мелькнетъ не сожалѣя
И не утихнетъ шмель вокругъ цвѣтовъ шалфея.

О жизнь! Съ дыханьемъ лондонскихъ тумановъ
Смѣшался ароматъ Хейямовскихъ Дивановъ,
Джульета! Ромео! Веронская гробница
Въ цвѣтахъ и зелени навѣки сохранится.

О, жизнь моя. А что же ты оставишь,
Студенческій трактатъ о Цизальпинскомъ правѣ,
Да пару томиковъ стиховъ не очень скучныхъ,
Да острую тоску часовъ благополучныхъ,
Да равнодушіе у вѣтренной и милой,
Да слезы жаркія у вѣрной и постылой,
Да тѣло тихое подъ говорливымъ кленомъ
И солнцемъ проливнымъ
и легкимъ небосклономъ.

ОСЕНЬ

1

Осень осыпаетъ листья —
Отмѣнили трамвайные билеты.
Пороша по первопутку —
Нафталинъ отрясается съ шубы,
Ее достаютъ изъ краснаго
Сундука, гдѣ она лежала лѣтомъ —
Даже заяцъ къ зимѣ краситъ шкуру!
Слишкомъ долго домовъ не чинили —
Оползаютъ песчаныя дюны,
Осыпается штукатурка —
Вѣтеръ времени стѣны обвѣтрилъ —
Это осень, Елена!
Я спѣшу въ осеннемъ трамваѣ,
Онъ осыпалъ листья билетовъ,
И стоитъ кондукторъ, какъ дерево
Голое подъ влажнымъ вѣтромъ.
Покрывая птичій дискантъ
И позваниванья трамвая,

Слѣва ухнулъ каменный басъ:
„Ты скажи, домъ Зингера съ шаромъ
Прозрачнымъ на рукахъ у женщинъ
Надъ стекломъ и желѣзомъ крыши,
Любишь ли ты позднюю осень?
И съ пролета передней площадки
Гранитный домъ Вавельберга
Мнѣ сверкнулъ озерами стеколъ
Зеркальныхъ съ переливами такими,
Какъ на глади озеръ Женевскихъ,
Когда въ ихъ холодѣ зыбкомъ
Радуга изогнется.
Я услышалъ отвѣтъ, Елена:
„Мы ничѣмъ не хуже Монблана,
Можетъ быть, поменьше и только,
Жаль тебѣ осенняго снѣга?
Пусть и наши кряжи бѣлѣютъ!
Есть архангелы-небоскребы
Въ райскихъ кущахъ Нью-Іорка —
Эти не чета Гималаямъ:
Поживѣй каскадовъ брюзгливыхъ
Освѣжаютъ ихъ паровозы —
На плато бетонныхъ площадокъ
Садятся гарпіи — птицы —
И проглатываютъ шумъ и вѣтеръ
Стальными клювами — винтами!
Мы печами дѣлаемъ лѣто,
Въ нашихъ раковинахъ плачетъ осень!

И я слышалъ, гдѣ-то на Охтѣ
Фабрика одобрительно завыла
Протяжнымъ гудкомъ вечернимъ:
„Да, мы лучше горъ сотворенныхъ
Косолапымъ отцомъ Вселенной!“
А дома вздохнули такъ громко,
Какъ пролетный вѣтеръ въ ущельѣ
Вздохами морского прибоя.
Вѣтеръ распластался словами:
„Для Поэта, Бога и Неба
Одинаковы и безсмертны
Зданія и снѣжные кряжи,
Улицы и легкія рѣки,
Листопадъ, отмѣна билетовъ,
Нафталинный снѣгъ и пороша!“
Такъ я встрѣтилъ осень, Елена!

2

Ты не слышала тяжкихъ камней,
Только вѣтеръ съ моря коснулся
Ситцевыхъ занавѣсокъ бѣлыхъ
Въ окнѣ деревяннаго дома
Противъ Тучкова Буяна.
Ты томилась встрѣчей осенней,
И дрожью милой газели

Трепетало легкое тѣло
Съ родинкой на лѣвой груди!
Жаль, что утромъ плохо кормили
Голубымъ электрическимъ сѣномъ
Добрыя стада трамваевъ
И они отъ голода стали,
Грустно глядя другъ другу подъ номеръ.
Мнѣ пришлось по талому снѣгу
Хлюпая, пѣшкомъ пробираться
Къ этой густолиственной сѣни
Голубыхъ съ цвѣтами обоевъ
Къ шелковой муравѣ дивана!
Нацѣди изъ ключа кувшина
Мнѣ холодной влаги: усталъ я,
Пробираясь къ милой дубравѣ.
Ахъ, костеръ развела ты въ печкѣ!
Сядемъ на полъ, красный отъ свѣта,
Дай мнѣ руки: осень шагаетъ
По зеленымъ Невскимъ зыбямъ,
А мы съ тобою, какъ будто
Негръ и негритянка
Подъ лѣтнимъ потолкомъ неба
У костра африканской луны.
Вѣдь для негра мускусный запахъ
Кожи милой и шлепающія губы —
Такая же дорога къ безсмертью,
Какъ для меня завитокъ волосъ
Твоихъ — за коралловымъ ухомъ;

Гдѣ кожа такъ душно пахнетъ,
Какъ дорожки Лѣтняго сада:
Червонной вервеной листьевъ,
Въ холодѣющемъ вѣтрѣ поэмъ,
Осеннихъ поэмъ,
Елена!

1920 г.

ВЪ ДЕРЕВНѢ

1

Какъ папиросная бумага листья
Шуршатъ, я подъ навѣсомъ крыши въ глинѣ,
Зеленой рамой охватившей стекла
Воды, — стою надъ зыбкимъ отраженьемъ
Своимъ и наклонившейся избы
И думаю объ Анатолѣ Франсѣ.

Когда въ лицо мнѣ вѣетъ вѣтеръ свѣжій
Весенними холодными полями,
Иль, повернувъ глаза къ уютнымъ хатамъ,
Слѣжу прогромыхавшую телѣгу, —
Надъ этой простодушною природой
Исторіи я слышу шумный летъ.

Въ обыкновенной русской деревушкѣ
Всемірныя видѣнья воскресаютъ
И если вѣрить кругу превращеній

(А я не вѣрю) здѣсь найдется даже
Аббатъ съ непостоянствомъ роялиста
Принявшій обликъ русскаго попа.

Въ воспоминаніи французскихъ строчекъ
Я даже мѣсто нахожу свое —
Поэта-зрителя и мѣщанина,
Спасающаго свой животъ отъ смерти,
И прохожу въ избу къ блинамъ овсянымъ
Крестьянина — Вандейскаго потомка.

2

Собака лаетъ на телѣгу такъ же,
Какъ пѣтухи на колесницу Феба,
Катящуюся въ небесахъ, — средь лая
И звонкогорлыхъ пѣсенъ пѣтушиныхъ.
На медленно всходящій красный шаръ
Мы ѣдемъ, я и мой хозяинъ рядомъ.

Когда онъ огибаетъ льдистымъ кровомъ
Одѣтый грязный ручеекъ дорожный,
Мнѣ кажется, что мету объѣзжаетъ

На колесницѣ римлянинъ въ туникѣ,
Которая по случаю мороза
Обращена въ запашистый зипунъ.

Куда мы? — спрашиваю я у вѣтра,
Но вѣтеръ выше глинистой дороги
И нашихъ подорожныхъ направленій,
И только проходящая корова,
Остановившись за большой нуждою,
Задумчиво и медленно мычитъ.

Мы говоримъ о людяхъ и о Богѣ,
Придумавшихъ другъ друга, и о томъ,
Что безъ пяти коровъ вести хозяйство
Невыгодно . . . Качается телѣга
И лошадиный хвостъ и двѣ ноги
Надъ проползающей назадъ дорогой.

3

Проснулся на душистомъ сѣновалѣ . . .
Уже три дня я ничего не помню
О городѣ и объ эпохѣ нашей,

Которая покажется навѣрно
Историку восторженному эрой
Великихъ преступленій и геройствъ.

Я весь во власти новыхъ обаяній
Открытыхъ мнѣ медлительнымъ движеньемъ
На пахотѣ навознаго жука.
Въ тотъ мигъ подъ пахаря земля бѣжала,
Ложась свѣжо слоистыми пластами
Направо отъ сверкающей дуги.

Тотъ человѣкъ простымъ и мудрымъ дѣломъ
Усердно занятый, забылъ навѣрно,
Что мы живемъ въ особенное время,
А я тѣмъ болѣе: мое вниманье —
На дернѣ срѣзанномъ со мною рядомъ,
Гдѣ медленно ползетъ навозный жукъ.

Какіе темно-синіе отливы,
Какая удивительная поступь,
Какъ много вѣсу въ этомъ кругломъ тѣлѣ,
Переломившемъ желтую травинку,
И надъ глазами золотыя брови
Я кажется замѣтилъ у него.

Онъ копошился, я его потрогалъ,
И пробужденіе земли весенней
Почуяла горячая ладонь,
А ухо, вмѣсто разсужденій мудрыхъ
О перемѣнахъ, различило ропотъ
Отъ крылъ быстро-летящихъ дикихъ утокъ.

1918 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТИХИ

LUX
LIBERTAS